

Колдовские
МИРЫ

ВИКТОРИЯ БОРИСОВА

—||>>>>—○—<<<<||—

**ВЕНЕЦ ДЛЯ КОРОЛЕВЫ
ПРОКЛЯТЫХ**

—||>>>>—○—<<<<||—

ВОЗЬМИ, ЧТО ХОЧЕШЬ, И ЗАПЛАТИ ЗА ЭТО

Колдовские миры. Новое оформление

Виктория Борисова

Венец для королевы проклятых

«ЭКСМО»

2024

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Дѣ=Дѳ)6-44

Борисова В. А.

Венец для королевы проклятых / В. А. Борисова — «Эксмо»,
2024 — (Колдовские миры. Новое оформление)

ISBN 978-5-04-204900-2

Могла ли простая деревенская девчонка, тем более некрасивая, мечтать о том, что когда-нибудь она станет королевой? Мать и отчим решили отдать Гвендилену в монастырь, не надеясь выдать замуж, и она сама почти смирилась со своей участью... Но однажды на берегу озера, пользующегося в округе недоброй славой, она нашла драгоценный венец изумительно тонкой работы и, примерив его, поверила, что все еще может измениться! Тогда она еще не знала, что за все приходится платить. И порой цена оказывается слишком высока...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Дѣ=Дѳ)6-44

ISBN 978-5-04-204900-2

© Борисова В. А., 2024
© Эксмо, 2024

Содержание

Пролог	6
Часть I. Деревенская девчонка	7
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	18
Глава 5	20
Глава 6	22
Глава 7	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Виктория Александровна Борисова

Венец для королевы проклятых

© Борисова В.А., текст, 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Пролог

Стоя на опушке мертвого, выгоревшего леса, женщина вглядывается в даль. Черные, обугленные деревья высятся у нее за спиной, а впереди расстилается плоская каменистая пустошь. Лишь кое-где торчат небольшие островки сухой травы, да колючие кусты, лишенные листьев, ошетинились длинными острыми иглами... Чуть поодаль поблескивает гладь озера, но темная, смоляная вода кажется ядовитой, несущей гибель всему живому. Остов древней полуразрушенной башни, что виден вдалеке, у самой линии горизонта, похож на скелет древнего чудовища – мертвого, но непостижимым образом все еще опасного и свирепого, поджидающего свою жертву.

Все вокруг словно дышит безнадежностью и отчаянием. Низкие тучи нависли над головой, солнца не видно, лишь багровые сполохи пробиваются сквозь серую пелену. Сам воздух здесь кажется отравленным – сухой, горячий, пахнущий гарью и еще чем-то неуловимо жутким, отвратительным, пугающим, напоминающим то ли запах тлена, то ли тонкий, но опасный аромат ядовитой травы *анврак*. От него слезятся глаза и першит в горле, хочется прикрыть лицо, задержать дыхание...

Женщина уже не молода, но все еще очень красива. В осанке, взгляде, складке губ, в повороте головы чувствуется особая сила, даже нечто царственное. Она одета в простое темное платье, ниспадающее свободными складками, но на голове переливается всеми цветами радуги венец изумительно тонкой работы, украшенный драгоценными камнями. В середине, надо лбом, сияет крупный ярко-зеленый самоцвет, вделанный в оправу в форме глаза. Он сделан так искусно, что кажется живым всевидящим оком.

Подняв руку, женщина легко прикасается к нему... И кажется, это придает ей уверенности. Она даже улыбается – чуть заметно, одними уголками губ.

Пальцы ощутили особое, нежное тепло и вместе с тем легкое покалывание, словно от присутствия мощной, грозной силы, наполняющей все ее существо. Много лет назад ей уже приходилось испытать это странное, ни с чем не сравнимое чувство, и, наверное, после того дня вся ее жизнь изменилась необратимо.

Это было давно, очень давно...

Часть I. Деревенская девчонка

Глава 1

- Айя-а!
- Гвендилена-а!
- Я сейчас поймаю тебя!
- Только попробуй!

Звонкие девичьи голоса далеко разносятся над водой. Над озером Трелоно, именуемым также Проклятым или Бездонным, полыхает багрово-алый закат, и от воды поднимается легкий туман.

Две девушки-подростка плещутся на мелководе. Та, что чуть постарше – крупная, белокожая, с выщипанными золотистыми волосами, – поднимает фонтаны брызг, пытаясь схватить сестру, другая – худощавая и черноволосая – ложится на воду и неумело, но старательно плывет туда, где глубже и ноги не достают до дна, отчаянно колотя руками и ногами.

- Ну куда ты... Там глубоко! – беспокоится старшая.
- А ты поймай меня, трусиха! – поддразнивает ее сестра.
- Солнце заходит... Хочешь угодить в Аннун? – голос старшей предательски дрожит.

Она уже напугана не на шутку и с трудом сдерживается, чтобы не заплакать.

Одно упоминание об Аннуне – сумрачном царстве теней, куда, по преданию, попадают только проклятые души да еще люди по неосторожности и неразумию оказавшиеся близ опасных мест, открывающих путь в иные миры, – заставило опомниться отчаянную девчонку.

- Ну хорошо, хорошо, выхожу... – сдалась она.

Девушки вылезли из воды, дрожа от холода, натянули домотканые льняные платья, помогли друг другу зашнуровать тесемки... Если мать узнает, что они купались, да еще на закате, – обеим несдобровать. Отправляя дочек в соседнюю деревню к дальней родственнице Ольгине отдать старый должок, она строго-настрого наказывала не сходить с дороги и возвращаться засветло.

Но вместо того чтобы поспешить домой, девушки сидят на камне и смотрят, словно завороченные, как солнце медленно опускается, окрашивая темные воды озера в багровый цвет, будто наполняя его кровью... Хотя озеро издавна почитается у окрестных жителей недобрый и опасным местом, где случалось порой такое, что не к ночи и вспоминать, но все же есть в нем своя особенная, дикая красота! К самой воде подступают причудливые каменные глыбы, похожие не то на окаменевших великанов, не то на руины древнего и величественного сооружения, неведомо когда и кем возведенного. Кажется, что здесь не властно само время, не действует привычный порядок вещей, невозможное становится возможным и случаются чудеса...

Старшая, Айя, мечтательно протянула:

- Говорят, тут иногда находят сокровища... Одна девушка перед свадьбой нашла ожерелье. Вот бы и мне найти что-нибудь! Буду самой красивой невестой.

Гвендилена только вздохнула. Сестра уже просватана и скоро выйдет замуж. Пусть ее жених, графский конюх по имени Вилерд, уже не молод (целых тридцать лет! почти старик), толст, неуклюж, у него рыжие волосы и смешные висящие усы, он громко хохочет, от него всегда пахнет пивом и луком, зато Айя станет взрослой замужней женщиной и, мало того, переберется в усадьбу. Там совсем другая жизнь – пиры, турниры, знаменитая графская охота, нарядные дамы и кавалеры... Даже слугам живется не в пример сытнее и веселее, чем крестьянам в деревне!

Хоть бы одним глазком посмотреть.

– Я тоже хочу! – отозвалась Гвендилена.

– Зачем тебе? – фыркнула старшая. – Ты ведь все равно обещана монастырю!

Гвендилена ничего не ответила, но брови сдвинулись, тонкие губы сжались в нитку, и лицо приняло жесткое и упрямое выражение. О том, что ей придется уйти от мира, чтобы всю жизнь работать и молиться, не видя ничего, кроме обители, знали все – и семья, и соседи... ну и она сама, конечно. Куда еще деться дочери бедной вдовы, особенно если красотой девушка не отличается? Хорошо еще, что монахини согласились ее принять. По крайней мере, голодать ей теперь точно не придется!

Гвендилена тысячу раз слышала эти резоны, но все же сердце отказывалось верить, что совсем скоро кованые ворота обители Всех Богов закроются за ней навсегда, отсекая от остального мира, от прежней жизни, от смутных надежд и мечтаний, от видений, что порой являются в ночи...

К тому же она привыкла к мысли, что монастырь – это далеко, когда-нибудь, когда она станет взрослой. А это будет еще не скоро! Но вдруг оказалось, что время пролетело как-то незаметно. Совсем недавно Гвендилена с удивлением осознала, что это лето – последнее беззаботное время в ее жизни. Сразу после праздника Жатвы, когда монастырь, по обычаю, откроет двери для новых послушниц, она должна будет покинуть родной дом. Даже повеселиться на свадьбе сестры не успеет.

– Был бы жив отец, этого бы не случилось! – отрезала она.

Старшая опустила глаза. В самом деле, семья их была не совсем обычной. Отец Ригор был лесником и егерем графа Ральхингера. Однажды, будучи в хорошем расположении духа, граф даже назначил его старшим лесничим. Хотя в жизни отца от этого ничего особенно не изменилось, свое звание он носил с гордостью и по праздникам любовно начищал до блеска медный жетон с изображением скрещенных дубовых листьев, нарочно отлитый для него по приказу графа. Эту бляху он берег как самую большую драгоценность. Маленькая Гвендилена лишь изредка, украдкой, осмеливалась прикоснуться к ней и тут же отдергивала руку, опасаясь, что ее застанут на месте преступления и сурово накажут.

Впрочем, боялась она совершенно напрасно – в лесу отец проводил значительно больше времени, чем дома. Угрюмый, неразговорчивый, заросший черной бородой до самых глаз, с диковатым взглядом, он иногда казался почти что зверем. Мать – пухленькая, белокурая хохотушка, любившая цветные занавески, вышитые салфеточки, кошек и сдобные булочки, изрядно побаивалась его, хотя отец никогда не ругался и не дрался, как соседские мужчины. В его присутствии она как-то съеживалась, даже становилась меньше ростом, смотрела в сторону, говорила тихо и односложно, и на лице ее каждый раз появлялось странное выражение – одновременно испуганное и отстраненное.

Старшая дочь, Айя, во всем подражала ей – так же морщила нос, когда Ригор возвращался домой, пахнувший дымом от костра или перепачканный болотной грязью, так же брезгливо ощипывала дичь или чистила рыбу... Ели, правда, обе с аппетитом.

Зато Гвендилена в отце души не чаяла. Девочка удалась вся в него – такой же странной, молчаливой, даже диковатой. Как бы хотела она родиться мальчишкой, чтобы бродить по лесам вместе с отцом, знать каждую тропинку, понимать зверей и птиц, охотиться на зорьке, ежиться от холодной росы, пить из родника... Прижимаясь лицом к его походной куртке, висящей на гвозде в передней (ласкаться к отцу она не смела), маленькая Гвендилена мечтала о том, что, когда она вырастет, он станет брать ее с собой... И может быть, поймет со временем, что она ничем не хуже, чем сын, которого он так и не дождался!

Но надеждам ее не суждено было сбыться. Однажды весной трое молодых рыцарей решили поохотиться в графском лесу. В эту пору охота была строгойше запрещена – но что с того молодым и бесшабашным! Не в добрый час им повстречался лесничий... Они как раз

собирались свежевать убитую лань. Что случилось дальше, доподлинно никому не известно, но домой отец больше не вернулся.

Никто бы не узнал о том, что с ним случилось, если бы не Варм – крупный черно-пегий охотничий кобель старинной аридамской породы, бывший его неизменным спутником. После гибели хозяина он выл всю ночь, да так страшно, что дети в деревне не могли заснуть, а старухи шептали молитвы, отгоняющие злых духов и оборотней.

Наутро пес прибежал в усадьбу Ральхингера. Здесь его знали – сам господин граф нередко хаживал на охоту в сопровождении Ригора и восхищался отлично натасканным псом, который умел подать в руки птицу, не помяв ни перышка. Он даже хотел купить собаку, предлагал любые деньги, но лесник неожиданно заупрямился. Как ни странно, граф не разгневался, лишь приказал пустить кобеля к лучшей суке со своей псарни, дабы получить от него потомство. С тех пор в усадьбе появились веселые длинноухие крапчатые щенки...

Граф приказал накормить собаку, но Варм не притронулся к пище. Непрерывно скуля и кротко взлаивая, он то отбегал, то возвращался, словно зовя людей с собой. Поняв, что случилось неладное, граф в сопровождении свиты отправился за ним. Пес привел их туда, где в неглубоком овражке лежало тело хозяина. Убийцы даже не потрудились закопать его как следует, просто забросали ветками и прелой прошлогодней листвой.

Господин граф был вне себя от гнева. Он даже не сразу заметил, что трое молодых рыцарей почему-то побледнели и упорно отводят глаза, стараясь не смотреть на мертвое тело... Один даже попытался незаметно улизнуть, прячась за спинами товарищей, но Варм оказался проворнее.

Пес бросился на убийцу, повалил на землю и уже нацелился вцепиться в горло, но граф приказал слугам оттащить его. Перепуганный юноша клялся, что невиновен, но, когда из крепко сжатого кулака покойника достали серебряную пуговицу от его камзола, перестал запирается и признался во всем. Его сообщники тоже не смогли долго утаивать содеянное – изобличив главного виновника, Варм так злобно рычал на них, что казался не просто собакой, а воплощением *биггешаль* — адовых псов, что преследуют грешников в загробном мире.

Суд над убийцами лесника состоялся в тот же день. Господин граф был человеком по своему справедливым, а потому, несмотря на отсутствие свидетелей – по крайней мере, тех, что ходят на двух ногах и наделены даром речи, – счел доказательства вины молодых рыцарей достаточными для смертного приговора. «Божий суд свершился!» – постановил он, и виновных повесили, несмотря на благородное происхождение. Тела их болтались на виселице несколько дней в назидание всем, и вороны кружились над ними с громким карканьем, справляя свою зловещую тризну.

Ригора похоронили на кладбище с соблюдением всех положенных обрядов – священник помолился за его душу, чтобы легче было покойному держать ответ перед Властелином смерти, соседи справили скромные поминки, и на могиле даже поставили камень. Пес улегся рядом и не сдвинулся с места, пока не издох. Господин граф, тронутый такой верностью, приказал похоронить собаку рядом с хозяином. Конечно, это было делом неслыханным, но, с другой стороны, если пес может свидетельствовать против человека на Божьем суде, так почему не может отправиться в Далекие поля вместе с тем, кого любил?

Ригора в деревне скоро все позабыли – из-за своей нелюдимости он не пользовался особым расположением односельчан, – но осиротевшей семье нужно было как-то жить дальше. Несмотря на то что граф приказал выплатить вдове щедрое вспомоществование из-за потери супруга и кормильца, она совсем растерялась. Впервые повязав на голову широкую ленту с косым крестом – вдовий знак, что надлежит носить во время годовичного траура каждой женщине, потерявшей мужа, – она как будто сразу постарела на много лет, а главное, утратила желание жить.

Бывало, целыми днями бедная женщина бродила по дому в одной сорочке, непричесанная, и все валилось у нее из рук... Соседки из жалости подкармливали девочек и шептались, что, видно, суждено бедняжкам остаться круглыми сиротами.

Однако этого все же не случилось. К вдове начал захаивать сосед – пожилой и тоже вдовый лавочник Кирдал. В деревне многие ходили в его должниках, так что соседки даже завидовали. Еще бы! Не успела одного мужа схоронить, и вот уже другой у порога.

Мать быстро ожила, снова радостно принялась хлопотать по хозяйству, дом засиял чистотой и на кухне запахло такими любимыми ею свежими булочками... В свободные минуты она сидела за рукоделием, думая о чем-то своем, и на лице у нее появлялась застенчивая и нежная улыбка, как у юной невесты, ожидающей суженого у окошка.

Скромная брачная церемония состоялась сразу же после того, как истек срок годовичного траура. Правда, отчим оказался весьма прижимистым и не раз сетовал, что ему, человеку небогатому, приходится по доброте душевной кормить падчериц. Айя краснела и опускала глаза, а Гвендилена вся сжималась от еле сдерживаемого гнева... Горек хлеб, если им попрекают!

Но вскоре и тут все устроилось наилучшим образом – Айя приглянулась одному из графских слуг. Оставалось лишь подождать немного, чтобы она вошла в возраст невесты. Мать обрадовалась и тут же, не теряя времени, принялась собирать потихоньку нехитрое приданое. Даже отчим стал как-то добрее. Еще бы, ведь для девушки из деревни попасть в замок – большая удача! Да и родня, как правило, в накладе не остается... Младшую же, Гвендилену, которая не отличалась особой миловидностью («Худая, как жердь, рот лягушачий, да еще и дикая какая-то... Кто тебя только замуж возьмет?» – бывало, с досадой говорила мать.), решено было отправить в монастырь.

Она и сама давно смирилась со своей участью, но сейчас, глядя на полыхающий над озером закат, впервые задумалась о том, чем заслужила такое – провести всю жизнь взаперти, словно узница в тюрьме? Это было так несправедливо, что девушка почувствовала, как обида закипает в душе и к глазам подступают жгучие злые слезы.

– Смотри! – встрепенулась Айя. – Смотри, что там!

Гвендилена вздрогнула от неожиданности и повернула голову туда, куда указывала сестра. На камне высотой примерно по пояс взрослому человеку, похожем не то на цветок, не то на чашу, покоящуюся на тонкой изящной ножке, что-то сверкнуло в лучах заходящего солнца, да так ярко, что глазам на миг стало больно. Девчонки переглянулись и, не сговариваясь, бегом бросились туда.

Бежать по песку почему-то оказалось тяжело. Ноги вязли, мелкие камешки больно кололи подошвы... но отступать просто так девушки не собирались. Вскоре они уже стояли перед камнем-цветком – красные, запыхавшиеся, с растрепанными волосами – и не верили своим глазам. Еще бы! Перед ними лежало настоящее чудо – золотой венец изумительно тонкой работы. Трудно поверить, что человеческие руки могли сотворить такое... Блеск драгоценных камней завораживал, оправка казалась сотканной из золотого кружева, но главное – зеленый глаз в центре выглядел совершенно как живой!

И он наблюдал за ними.

Не смея прикоснуться, они любовались драгоценной находкой. Наконец Айя решилась.

– На свадьбе я буду лучше всех! – выдохнула она.

Дрожащими от волнения руками она осторожно взяла венец и уже хотела было надеть его, но не успела. Бесшумно, как кошка, Гвендилена бросилась на сестру. Не ожидая нападения, та упала, и они покатались по песку, ожесточенно и яростно пытаясь вырвать друг у друга вожделенную находку. Айя почти завладела ею, но вдруг как-то странно, коротко вскрикнула, и тело ее бессильно обмякло. Удар острого каменного выступа пришелся ей прямо в висок...

Гвендилена жадно схватила венец. Она даже не заметила, что сестра лежит как-то странно, скорчившись, что голова ее неестественно вывернута, и лужица крови расплылась

на песке. Главное – прекрасная вещь, о которой она и мечтать не могла бы, оказалась у нее в руках! Одно прикосновение к ней наполняло все ее существо радостным трепетом, так что дыхание перехватывало от счастья и сердце готово было выскочить из груди. Драгоценность, достойная даже герцогини... да что там, самой королевы!

Надев венец, она с трудом удержалась на ногах. На миг виски сжало так, что в глазах потемнело... но уже в следующий момент девушка почувствовала, как через все тело толчками переливается, поет и играет, словно вода в лесном роднике, невероятно мощная неведомая сила. Это было немного страшно и вместе с тем прекрасно, почти божественно!

Подхватив подол платья, Гвендилена почти бегом бросилась назад, к озеру. Она наклонилась над водой, чтобы полюбоваться своим отражением... да так и ахнула. На нее смотрела такая красавица, каких ей раньше встречать никогда не доводилось! Девушка не сразу поняла, что видит себя. То ли рябь на воде была тому виной, то ли драгоценный венец и впрямь обладал волшебным свойством преображать ту, что носит его, но лицо ее и в самом деле разительно изменилось. Смягчилась линия скул, губы стали нежными, чувственными и чуть пухлыми, глаза приобрели миндалевидный разрез и заискрились как два изумруда, соперничая с самоцветом надо лбом...

Гвендилена готова была любоваться собой бесконечно долго. Она склонилась ниже, но вдруг потеряла равновесие и упала в воду. Тело сразу сковал смертельный холод. Только что, когда они с сестрой купались, вода определенно была гораздо теплее! К тому же у берега было совсем мелко, а теперь озеро действительно оказалось бездонным...

Девушка отчаянно билась, пытаясь выплыть, но безуспешно – ее камнем тянуло в глубину, туда, где шевелились длинные ленты зеленоватых водорослей. Уже захлебываясь, она успела подумать о том, как жаль будет потерять чудом обретенную драгоценную находку и как жаль умереть именно сейчас, когда она впервые в жизни почувствовала себя такой красивой, сильной, по-настоящему живой!

И поняла, что для нее все еще может измениться.

Глава 2

Гвендилена и сама не поняла, как вышло, что темнота и холод выпустили ее из своих цепких объятий. Отчаянно барахтаясь, она сумела вынырнуть на поверхность, и первый же глоток воздуха чуть не разорвал легкие. Девушка закашлялась, выплевывая воду, и с удвоенной силой заработала руками и ногами. Близость спасения придала ей сил... И в самом деле – вскоре ноги нащупали твердое дно. Ощутив под собой опору, она чуть не расплакалась от радости.

Выбравшись на берег, Гвендилена долго лежала, пытаясь отдышаться. Придя в себя, она первым делом потянулась к голове. Странно, но венец по-прежнему был на месте. Просто непостижимо, как она умудрилась не потерять его!

Но радость от того, что возжеленная драгоценность осталась при ней, скоро сменилась недоумением и паническим ужасом. Мир, в котором очутилась Гвендилена, был разительно не похож на привычный и знакомый ей! Все вокруг было чужое, странное...

И пугающее.

Гвендилена поднялась на ноги. Мокрое платье облепило ее тело, холодная вода текла с волос и одежды, но сейчас она не чувствовала этого. Озираясь по сторонам, она видела темно-багровое небо, сгоревший лес, каменистую пустошь, башню вдалеке... очень хотелось поверить, что все это – только морок, видение, но сердце знало – с ней случилось худшее из того, что может произойти с человеком. Она действительно оказалась в Аннуне, царстве проклятых душ, откуда нет возврата.

В памяти всплыли рассказы старой Аливель – соседки, которую в деревне считали колдуньей. Одетая в лохмотья, тряся седой головой и опираясь на суковатую палку, она ходила по дворам, прося подаяния, и никто не отказывал ей. Не то чтобы люди в деревне были так уж милосердны, просто боялись, что у старухи дурной глаз и она может наслать *маранил* – проклятие или порчу.

Бывало, придя в хорошее расположение духа, Аливель заходила в чей-нибудь дом, усаживалась у очага (выгнать ее прочь ни у кого не хватило бы духу!) и заводила то длинные рассказы о деяниях героев давно минувших времен, то сказки о зверях и птицах, в которых почему-то угадывались человеческие черты, то страшноватые легенды о драконах и привидениях... И такова была сила ее слов, что, бывало, все собирались вокруг, побросав свои дела, и готовы были слушать ее, раскрыв рот, чуть ли не до утра.

От нее маленькая Гвендилена впервые услышала об Аннуне. За окнами мела вьюга, и в канун Йома – праздника середины зимы – в доме собрались соседки и родственницы. Отец, как это бывало нередко, остался на ночь в графской усадьбе, и женщины решили повеселиться от души! Кто-то придумал позвать сказочницу, чтобы позабавила всех своими историями, и старуху не пришлось просить дважды.

В тот вечер Аливель была в ударе. Может быть, впервые за долгие годы она выглядела не как полоумная деревенская старуха, а как вдохновенная пророчица. Глаза ее сияли, и голос, сливаясь с воем ветра, звучал так таинственно... Но вместо веселых историй, что ожидали услышать женщины, она поведала нечто совсем другое. Многим эта праздничная ночь запомнилась надолго!

– Давным-давно, в незапамятные времена, жил на краю земли могущественный и злобный великан по имени Киллх. Лицом он был черен и подобен то ли зверю, то ли демону, но еще чернее была его душа. Он умел повелевать ветрами и ураганами, вызывать проливные дожди или засуху, насыпать саранчу или полчища крыс...

Люди боялись его и не смели ни в чем ослушаться. И немудрено – любого, кто посмел бы перечесть Киллху, ждала страшная участь! Одним взглядом он мог заживо испепелить чело-

века, свести с ума или наслать болезнь, когда несчастный гниет заживо, испытывая бесконечные страдания.

Киллх требовал, чтобы ему поклонялись как богу. На острове Тори воздвиг он башню из стекла и жил там. Раз в году, в ночь, когда умирает солнце, он приказывал людям устраивать праздник в свою честь, но страшен был этот праздник... Две трети детей, родившихся в течение года, приносили в жертву. Не было ни одной женщины, что не потеряла бы дитя, ни одной, что не поседела бы до срока!

Но еще хуже было другое. Люди привыкли так жить и ползали на брюхе перед великаном. Они дрались за право служить ему, доносили друг на друга, подличали, лгали... Бывало, что особо отличившихся Киллх и впрямь приближал к себе. Они становились *керем-таш*, неприкасаемыми для других и неподсудными человеческим законам. В знак того, что уже не принадлежат к миру обычных людей, они носили одинаковые берестяные личины, скрывающие лица, и особую черную одежду с серебряной перевязью. *Керем-таш* заходили, как хозяева, в любой дом, брали что хотели и делали все, что им вздумается. Ни один человек не смел прекословить им, даже если на его глазах убивали ребенка или насиловали жену!

Так продолжалось до тех пор, пока однажды не случилось чудо – бедная старуха-вдова родила ребенка. Мальчик был подобен луне и солнцу, его кудри сверкали, как золото, а лицо испускало чудесный свет... Мать не могла нарадоваться на свое дитя. Когда пришел срок жертвоприношения, она попыталась спрятать ребенка, но слуги Киллха нашли его.

Женщина валялась у них в ногах, плакала, умоляя оставить ей чудом обретенного сына, но они не слушали ее, только оттолкнули сапогами. Сердце ее не выдержало и разорвалось, она упала замертво, а они забрали ребенка и ушли, спокойно переступив через ее тело.

Аливель покачала седой головой и сокрушенно добавила:

– Бывает, и люди становятся хуже демонов.

Она замолчала надолго, и лицо ее стало скорбным. Никто не смел сказать ни слова, только слышно было, как потрескивают дрова в очаге да завывает ветер за окном. Старуха думала о чем-то своем, устремив невидящий взгляд в пространство. На миг показалось, что она впала в сонное оцепенение... Или даже умерла.

Наконец, будто спохватившись, она продолжала:

– Когда наступила полночь и мальчика положили на жертвенный камень, он не плакал, наоборот – улыбался. Дважды *алгат-керем*, главный служитель Киллха, заносил над ним жертвенный нож, изготовленный из черного обсидиана, и дважды опускалась его рука. Наконец, на третий раз он зажмурился, чтобы не видеть ребенка... И в тот же миг ослеп. Его глаза лопнули, как перезрелые виноградины, кровь потекла по лицу, но никто не заметил этого, потому что случилось чудо.

Аливель выдержала эффектную паузу, но, когда она заговорила снова, на лице ее играла улыбка мрачного торжества.

– Ночную тьму прорезал свет, подобный свету тысячи солнц. В небе возшло светило, какого никто не видел раньше. Огромный огненный шар, переливающийся всеми цветами радуги, приближался к земле, и мощь его вызвала восторг и ужас одновременно. Младенец на алтаре радостно залепетал что-то, протянул свои пухлые ручки – и тут же исчез, словно его никогда и не было.

И тут огненный шар взорвался, рассыпая фонтаны искр. Свет, беспощадно яркий, затопил все вокруг. Одни люди попадали на землю, стараясь прикрыть головы, другие, обезумев, бежали прочь, некоторые вдруг вспыхивали, как живые факелы, или просто падали замертво...

Страшно зарычал Киллх, но время его кончилось. Расступилась земля, и башня обрушилась сквозь нее. Так появился Аннун – обиталище проклятых душ.

Аливель покачала седой головой и тяжело вздохнула.

– С тех пор люди стали другими. Небесный свет, что они увидели в ту ночь, проник в их души, и они устыдились самих себя. Слуг Киллха убивали, как диких зверей, а бывало, они сами кончали с собой, не в силах больше жить под тяжестью совершенных грехов и преступлений.

– А что было дальше? – прошептала Вилма, жена деревенского трактирщика. Ее толстые щеки дрожали, глаза округлились от страха. Старая Аливель чуть улыбнулась в ответ, но маленькой Гвендилена в этой улыбке почудилось что-то жутковатое, *нездешнее*.

– Время идет, заживают раны... даже страшная расселина, в которую провалилась Стеклянная башня, постепенно закрылась. Лишь иногда в тех местах находят прозрачные камешки. Некоторые считают их драгоценными, но мудрые люди точно знают – это осколки Стеклобашни! Ограненные, они сверкают и переливаются, но не приносят своим владельцам ничего, кроме горя, раздоров, безумия и смерти.

Она сдвинула седые брови и закончила спокойно и твердо:

– Жизнь человека полна страданий и потерь. Каждый стремится избежать их по мере сил. Люди боятся потерять имущество и близких, боятся болезней, смерти... Да много чего еще! – старуха невесело усмехнулась. – И все потому, что не знают, чего нужно бояться по настоящему.

Она зачем-то опасливо оглянулась по сторонам и заговорила, понизив голос, почти перейдя на шепот:

– Бойтесь попасть в Аннун. Бойтесь этого больше всего! Там не светает и не темнеет, там всегда стоит сумрак, и по каменистым пустошам бродят неприкаянные тени. Им не дано ни уйти в свет, обретя спасение, ни возродиться в одном из миров, чтобы искупить свои грехи. Для них нет надежды... и нет участи страшнее, чем эта.

В доме все давно заснуло, и старая Аливель отправилась восвояси, хлебнув доброго пива, что сварил мать, но Гвендилена не сомкнула глаз в ту ночь. Ей все чудился испуганный плач обреченных детей и злобный рык великана...

А еще – сумрачное, недоброе место, где вечно блуждают неприкаянные души.

С тех пор прошло немало времени, но историю об Аннуне Гвендилена не забыла. И сейчас она удивленно озиралась, словно узнавая уже знакомые места...

Непонятно было, почему она здесь одна. «Видно, я еще не умерла... – растерянно подумала девушка. – Давно известно, что живые не могут видеть мертвых, а мертвые живых!»

Только подумав об этом, Гвендилена заметила, как воздух стал сгущаться, обретая подобие формы, и совсем скоро перед ней возникла длинная череда серых теней. Тела их казались полупрозрачными, будто сотканные из легкой кисеи, и эти существа были похожи на людей... Но не совсем.

В каждом из этих созданий было что-то ошутимое *неправильное*, уродливое, жуткое. Здесь были изможденные, похожие на скелеты мужчины и женщины, протягивающие вперед исхудавшие руки, и безобразно раздутые толстяки, были слепые, и черные провалы вместо глаз выглядели особенно страшно, были женщины, прижимающие к себе мертвых младенцев...

Всех их, таких разных, объединяло неумовимое сходство. Гвендилена и сама не могла бы объяснить, в чем оно заключается – в выражении лица, взгляде, движениях... Словно большая семья собралась на празднике, чтобы выпить пива, обменяться новостями, а потом усесться за общим столом.

И ей, вполне возможно, предстоит стать главным блюдом!

Они все приближались, и Гвендилена видела, как их руки тянутся к ней. Она испугалась, что сейчас эти чудовища растерзают ее, но вышло иначе – может быть, еще страшнее.

Все взгляды разом устремились на нее – точнее, на венец у нее на голове. Казалось, изумрудно-зеленый глаз у нее надо лбом действовал на них гипнотически... Камень имел особенную власть и облакал этой властью любого, носящего его, как облакает властью королев-

ская корона. Теперь уродливые тени стали вдруг на диво любезны, даже подобострастны. Они почтительно кланялись, расступались перед ней, на жутких лицах Гвендилена видела заискивающие улыбки.

Но это вовсе не радовало девушку, напротив – пугало еще больше! Путь, что открывался перед ней, вел прямо к башне, возвышающейся вдалеке. Остов знаменитой Стеклоанной башни, созданной древним колдовством, вызывал такой темный ужас, что хотелось бежать прочь без оглядки, и вместе с тем Гвендилена чувствовала всем своим существом, что она обречена и у нее нет другого пути, только туда...

Словно замороженная, она сделала несколько шагов, но вдруг опомнилась. Покорно погибать, как овца на бойне, идти навстречу уготованной судьбе? «Ну уж нет! Верно же когда-то говорила мать, что ничто в жизни не дается даром... Если из-за красивой безделушки я оказалась здесь, то пропади она пропадом!»

Последним отчаянным движением Гвендилена сорвала с себя венец и швырнула в толпу, а потом с разбегу бросилась в озеро. Лучше уж утонуть, чем стать жертвой этих нелюдей или, того хуже, стать одной из них!

Вода обожгла холодом, но девушка отважно нырнула в глубину. До последнего момента, когда силы окончательно покинули ее и сознание погасло, она надеялась, что призраки не умеют плавать и не бросятся вслед за ней.

О том, чтобы спастись, она уже не думала.

Глава 3

Гвендилена пришла в себя от холода. Вокруг было темно, и девушка не сразу сообразила, что уже наступила ночь. Шел дождь, холодные тугие струи били прямо в лицо... Бушевала гроза, и темноту разрывали лишь яркие вспышки молний.

Айя лежала чуть поодаль. Гвендилена бросилась к ней, но, сколько ни трясла, ни тормошила, тело оставалось бесчувственным, холодным и странно тяжелым. Вспышка молнии осветила ее лицо, и, заглянув в широко распахнутые пустые глаза, Гвендилена невольно отшатнулась. Только сейчас она поняла, что сестра умерла...

И она сама убила ее.

Это было так страшно, что Гвендилена застыла на месте, прижав руки ко рту. Хотелось крикнуть: «Я не хотела! Это произошло случайно... Я не виновата...» – но слова будто застряли в горле. Непоправимость происшедшего сводила на нет все оправдания, превращая их в жалкий, беспомощный лепет.

Что сказать, если Айя больше не встанет, не засмеется, не перекинет через плечо тяжелую косу, перевязанную алой лентой... Не бывать ее свадьбе с Вилердом, и платье, что мать любовно вышивает уже третий месяц, так и останется ненадеванным.

Гвендилена без сил опустилась на холодный сырой песок рядом с телом сестры и разрыдалась, отчаянно и безутешно. Больше всего ей сейчас хотелось умереть, умереть, как Айя...

Плакала она долго, так, что даже слезы иссякли. Как ни странно, от этого она ощутила особенное, горькое облегчение. «Надо что-то делать дальше, – решила Гвендилена, – но вот что именно?»

При одной мысли о том, чтобы вернуться домой, все внутри леденело от ужаса. Как объяснить, что случилось с Айей? И что будет с ней, убийцей родной сестры? Никто не поверит, что это была просто случайность, никто не встанет на ее защиту – даже родная мать! Айю она всегда любила больше, а ее просто терпела, иначе ни за что не согласилась бы отдать в монастырь.

И что будет потом – подумать страшно. Скорее всего, ее просто забьют камнями, как забили в прошлом году дочь соседа, удавившую тайком незаконно прижитого ребенка. Она закопала его в овраге, но собаки притащили крохотное тельце и положили на пороге дома, словно надеясь, что его можно еще возвратить к жизни... А потом рыжую зареванную Кайту привязали к дереву, и каждый, проходя мимо, должен был бросить в нее камень – даже отец с матерью.

Гвендилена уже совсем было впала в отчаяние, но вдруг где-то совсем рядом сквозь шум дождя и завывание ветра послышался чей-то голос:

– Вас было только двое...

От неожиданности она вздрогнула и оглянулась по сторонам. Вокруг по-прежнему никого не было, только Айя лежала чуть поодаль, холодная и неживая. Гвендилена не сразу сообразила, что незнакомый голос звучит у нее в голове, а когда поняла, что это так, испугалась еще больше. Неужели она помешалась в разуме или стала одержимой злыми духами? Там, в Аннуне, их было более чем достаточно!

Она заткнула уши и отчаянно замотала головой, но тихий вкрадчивый голос звучал упорно и настойчиво, твердя о том, что на озере их было только двое, и, раз уж сестре теперь не помочь, совсем не обязательно рассказывать дома, что случилось на самом деле. Главное – никому нельзя говорить ни про венец, ни про то, что она побывала в Аннуне. За такое, пожалуй, и на костре сжечь могут!

Значит, надо говорить правду, но не всю. Айя просто оступилась, упала и разбила себе голову о камень... И больше ничего не было!

А если было – только померещилось.

Гвендилена повторяла эти слова без устали, пока брела домой под дождем, увязая в грязи, оскальзываясь и падая, поднимаясь вновь... И к тому моменту, когда постучалась в дверь родного дома и упала от изнеможения у порога, почти поверила в них сама.

Глава 4

Новость о происшествии на озере взбудоражила всю деревню. Первые дни Гвендилену трясло, как в лихорадке, но о том, что случилось с сестрой, девушка говорила вполне разумно и уверенно, хотя каждый раз при этом начинала плакать, повторяя: «Айя... Бедная моя сестра... Она хотела найти сокровище... Быть самой красивой невестой на свадьбе...»

Ей поверили все – и семья, и соседи. Люди, что отправились к озеру и нашли там тело Айи, вполне подтвердили ее слова. Правда, старух, что обмывали ее перед похоронами, немного смутили синяки на плечах покойницы, но и этому нашлось вполне убедительное и правдоподобное объяснение:

– Я трясла ее... Пыталась привести в чувство, – рыдала Гвендилена, – сперва она еще дышала... А потом затихла. А я... Я не смогла ей помо-очь!

Странно, конечно, было, что девушка явилась домой лишь под утро... Но в окрестностях озера Трелоно издавна случалось всякое, а Каменный Лес почитался недобрый и опасным местом. Бывало, что люди там и вовсе пропадали бесследно! Некоторые, впрочем, объявлялись снова – иногда в тот же день, иногда через годы, – но внятно объяснить, что с ними произошло, эти несчастные уже не могли, бормотали что-то невнятное и до конца дней оставались немного не в себе. Так что, можно сказать, Гвендилене еще повезло! «Радуйся, что не потеряла обеих дочерей! – повторяли соседки, стараясь утешить мать. – У тебя осталась хотя бы младшая...»

Но это не очень-то помогало. Узнав о смерти Айи, мать сначала впала в странное оцепенение, не могла ни есть, ни говорить, ни даже плакать – просто сидела, уронив руки вдоль тела и глядя куда-то в пустоту.

Когда Айю привезли домой, она всплеснула руками и зарыдала. Старухи шептались, что это хороший знак – мол, поплачет и успокоится, ведь всем известно, что слезы смывают печаль! Но женщина вся ушла в свое горе, будто утонула в нем. Слезы струились у нее по лицу, что бы она ни делала – прибирала дом к похоронам, готовила угощение для поминок, спешно заканчивала вышивку на подвенечном платье для дочери... Даже во сне она продолжала плакать, так что подушка была мокрой наутро.

По старинному обычаю Айю похоронили в свадебном платье. Мать как раз успела его дошить... Рану на виске заботливо прикрыли широкой алой лентой, и в гробу девушка лежала как живая. Казалось, что она просто прилегла отдохнуть и заснула. Ее белое, словно из мрамора изваянное, лицо было холодным и отстраненно-прекрасным, как никогда в жизни.

Стоя у свежевыкопанной могилы, Гвендилена вспомнила последние слова сестры. «Буду самой красивой невестой...» Что ж, в каком-то смысле ее желание сбылось! Смерть выявила ее особую, скрытую красоту, и в памяти людей, что пришли проститься с ней, она останется такой навсегда.

Провожать Айю в последний путь пришла вся деревня. Плакали навзрыд ее многочисленные подруги, мать голосила, напрасно зовя дочку, и даже отчим уронил скупую мужскую слезу. Неизвестно, правда, что было тому причиной – то ли жалость к падчерице, то ли досада на то, что зря кормил девчонку целых пять лет.

Зато конюх Вилерд, жених, так и не ставший мужем, так убивался по юной невесте, что, казалось, его сердце вот-вот разорвется. «Видно, он все-таки любил ее по-настоящему! – запоздало думала Гвендилена, глядя на его покрасневшие глаза, трясущиеся рыхлые щеки и обвисшие, мокрые от слез усы. – И все-таки какой он старый и некрасивый...»

Когда гроб опустили в могилу и комья земли застучали по крышке, Гвендилене вдруг показалось, будто на самом деле хоронят ее, а не сестру. Перед глазами потемнело, зашумело в ушах, и ноги почему-то перестали держать... Обессиленная, она опустилась на землю и заплакала отчаянно и безутешно. В этот миг ей больше всего хотелось признаться во всем, чтобы

только сбросить с души эту тяжесть, а там – будь что будет, пусть хоть убивают... Но из горла вырывались только судорожные рыдания.

К счастью, все вокруг увидели не раскаяние убийцы, а просто горе девушки, потерявшей сестру. Соседки заботливо помогли ей подняться, обнимали за плечи, приговаривая какие-то слова, приличествующие случаю, даже воды принесли... Уже в следующий миг Гвендилена сумела взять себя в руки. Она благодарила за помощь и сочувствие, сокрушалась о сестре, но душа трепетала от радости из-за того, что, будучи на волосок от гибели, она все же сумела удержаться на самом краю и не выдать свою тайну.

Вскоре Гвендилена почувствовала себя значительно лучше. «К счастью, людей не так уж трудно обмануть... – думала она, шагая домой во главе похоронной процессии, – главное, говорить то, что они хотят услышать!»

Старухи заматали следы вениками из свежесрезанных веток, чтобы умершая не смогла больше вернуться и тревожить живых, а маленькая девочка с белокурыми кудряшками разбрасывала хлебные крошки для птиц. Было жарко, небо сияло чистой и яркой синевой, но в воздухе уже висело предчувствие близкой осени.

И на миг у многих появилось странное ощущение, что совсем скоро что-то должно измениться и маленький, тесный мирок сельской общины, в который так неожиданно и грубо вторглась смерть, уже никогда не будет прежним.

Глава 5

Лето кончилось. Осенние дожди в тот год зарядили необычно рано, так что сено не успели убрать окончательно, и рачительные хозяйки в деревне горестно вздыхали – опять придется зимой скотину резать!

После случившегося Гвендилена сильно изменилась – стала тихой, задумчивой и словно устремленной вглубь себя. О том, чтобы отправить ее в монастырь, речь не шла – по крайней мере, до следующего года, когда истечет срок траура, но девушка и так почти перестала выходить из дома, шутить, смеяться, бегать на деревенские танцульки...

Она жила как прежде – ела, спала, помогала матери по хозяйству, – но почти не замечала происходящего вокруг. Все это больше не имело для нее никакого значения. Лишь иногда, застывая перед зеркалом, она подолгу всматривалась в свое отражение. Даже самой себе она не смогла бы признаться, что каждый раз втайне надеялась увидеть ту зеленоглазую красавицу, что когда-то смотрела на нее из глубины озера Трелоно!

Но лицо в зеркале оставалось таким же, как раньше, только в глазах появилось новое выражение – одновременно горестное и жестокое. Уголки губ опустились, щеки залила бледность, волосы повисли безжизненными прядями, будто пакля... Гвендилена с досадой отворачивалась. Смотреть на себя, такую жалкую и некрасивую, было неприятно. Хотелось разбить зеркало или, по крайней мере, спрятать его подальше, но проходили дни, и девушка снова с тайной надеждой всматривалась в холодное равнодушное стекло – а вдруг?

Мать разом сникла и постарела. Работала она старательно, но все валилось у нее из рук. Выстиранное белье нередко оказывалось в пыли, сваренный суп – разлит по столу, рубаха – сшитой сикось-накось... Иногда она, забывшись, окликала Айю, а потом начинала плакать тихо и безутешно.

Бывало, Гвендилена ловила на себе острый, сухой, почти ненавидящий материнский взгляд. «Ты должна была оказаться на ее месте! – говорили ее глаза. – Почему ты жива, а ее больше нет?» Ответить было нечего, и девушка опускала голову. Она боялась, что мать рано или поздно догадается, что произошло на самом деле...

Или уже догадалась, но не хочет говорить об этом.

Отчим все чаще пропадал в кабаке. Не то чтобы смерть падчерицы так уж сильно опечалила его, но, видно, жизнь в доме, похожем на склеп, скоро опостылеет кому угодно.

Когда осенние дожди сменились метелями, мать и вовсе перестала вставать с постели. Она гулко кашляла, и порой на платке, которым она вытирала губы, расцветали алые пятна крови. Деревенская знахарка Милва отпаивала женщину травяными отварами, но каждый раз, когда она приходила в дом, Гвендилена читала на ее лице, что все труды и хлопоты бесполезны.

Так и вышло. Когда мать умерла, за окнами завывала вьюга, и ветер швырял колючую снежную крупу. Мать задыхалась и кашляла, ночь казалась нескончаемо долгой... Когда к свету измученная женщина наконец затихла, ее лицо разгладилось и стало таким спокойным и умиротворенным, словно она сама была рада, что для нее все кончилось.

Потом были похороны – на этот раз тихие и скромные. Зимой многие сельчане стараются не выходить из дома без особой надобности... Могильщик ворчал, что трудно рыть могилу в промерзшей земле. Пришлось разводить костры, чтобы отогреть ее хоть немного, и отчим был вне себя из-за того, что похороны обошлись ему дорого.

На поминках он сильно напился и в первую же ночь попытался влезть в постель Гвендилены. По обычаю, после похорон огни в доме не гасили, и в мерцающем свете масляной лампы красное лицо, бессмысленно вытаращенные мутные глаза и слюнявый рот казались особенно отвратительными. От запаха перегара, лука, гнилых зубов и пота девушку чуть не вырвало. В

первый момент она оцепенела от неожиданности, страха и отвращения, но быстро взяла себя в руки. Злость придала ей решимости... Откуда только силы взялись!

Молча, с каким-то холодным ожесточением, словно отчим был не человеком, даже не животным, а каким-то грязным предметом, который неизвестно почему оказался не на своем месте, Гвендилена вытолкала его из постели и уже метнулась было за отцовским охотничьим ножом, по старой памяти висящим на стене, но этого не понадобилось. Отчим свалился на пол и захрапел, а она просидела до утра, забившись в угол и сжимая нож в руках.

На следующий день Кирдал даже не вспомнил о ночном происшествии... Или только сделал вид, что не вспомнил. Вел себя, во всяком случае, как ни в чем не бывало – ел, громко чавкая и отрывая, храпел во сне, ворчал из-за расходов... Хотя это уже скорее по привычке.

Гвендилена тоже делала вид, будто ничего не произошло. Она молча ставила перед отчимом тарелку с едой – и так же молча убирала, подметала полы, стирала белье... Но дверь в каморку, что прежде она делила с сестрой, теперь припирала кочергой и отцовский нож всегда клала под подушку.

Правда, все предосторожности оказались излишними. Попытку овладеть ею насильно отчим больше не повторял. К тому же у него было немало иных забот – дела в лавке шли все хуже и хуже. Неизвестно, что стало тому причиной – то ли угрюмый вид вечно пьяного Кирдала, стоящего за прилавком, отпугивал посетителей, то ли просто не до покупок стало сельчанам в долгую голодную зиму...

Большую часть времени лавка пустовала. В конце концов отчим продал ее трактирщику Гаверу – точнее, просто уступил в обмен на неограниченный кредит в его заведении. Тот давно собирался расширять свое дело... Однажды, когда Кирдалу было нечем расплатиться за выпивку, сделал ему заманчивое предложение, и они тут же ударили по рукам.

С тех пор его жизнь превратилась в нескончаемый праздник. День начинался с утреннего опохмела и заканчивался ночной попойкой в кабаке. Быстро нашлись друзья-собутельники, тем более что выпивкой он делился охотно. В каком-то смысле отчим стал совсем другим человеком, и вовсе не таким скупердям, как раньше! Разумеется, это означало скорую и неизбежную нищету, но он не думал, что будет дальше, жил сегодняшним днем...

И возможно, впервые в жизни был счастлив.

Однажды, в середине зимы, вскоре после праздника Йома, он возвращался из кабака, но до дома так и не дошел – упал в сугроб и замерз. Отчего-то новоявленные друзья не пошли проводить его, как делали это обычно, и тело нашли только утром.

Весть о смерти отчима Гвендилена выслушала спокойно, хотя и поплакала немного для приличия, чтобы соседи не подумали ничего дурного. На самом деле она испытывала скорее облегчение от того, что больше не придется спать с ножом под подушкой, хотя и знала, что после потери единственного кормильца ей придется туго.

И снова горели костры на кладбище... Отчима похоронили рядом с матерью. Ее могила сильно просела, словно она хотела потесниться, чтобы освободить место для мужа. Казалось, она только и ждала его, чтобы окончательно упокоиться с миром.

Глава 6

Гвендилена осталась одна в пустом доме. Поначалу ей было страшновато, особенно по ночам – то казалось, что где-то скрипнула половица, то слышался тихий вздох или стон, как будто неупокоенные души приходили проведать прежнее обиталище... Впрочем, скоро девушка привыкла. Стоит ли пугаться неведомого, когда мирские ежедневные заботы гнетут гораздо сильнее!

Каждый день Гвендилена видела, как припасов в кладовой остается все меньше, и понимала, что дожить до весны будет непросто. Она старалась есть как можно меньше и вскоре научилась довольствоваться совсем крошечной порцией. Все чаще девушка чувствовала, как кружится голова и темнеет перед глазами, если резко подняться. Однажды она даже потеряла сознание и пролежала на холодном полу от сумерек до глубокой ночи.

По ночам в щели дома задувал ветер, стены порой покрывались инеем, и вода в ведре к утру схватывалась тонкой ледяной корочкой. Девчонка дрожала от холода, а дров не хватало. Приходилось, собрав все силы, отправляться в лес за хворостом. Каждый раз Гвендилена боялась, что упадет и больше не сможет встать, зато потом веселое пламя плясало в очаге, вознаграждая за все труды и мучения. Жаль только, что вязанки хватало ненадолго и совсем скоро все приходилось начинать заново. Дрожа по ночам в холодной постели, Гвендилена часто думала, что весна, наверное, уже никогда не наступит...

А если и наступит, ей самой до нее не дожить.

Рассчитывать было больше не на кого. Иногда Гвендилене казалось, будто ее окружает прозрачная, но вполне ощутимая стена, отделяющая от остального мира, от людей... Даже соседи, что раньше жалели ее и старались помочь, чем могли, начали сторониться. Дом обходили стороной и при встрече опускали глаза, стараясь не встречаться взглядом, украдкой скрепчивали пальцы в Знаке Защиты и, шепча слова обережного заговора.

Монастырь, который раньше так страшил ее, теперь казался последним прибежищем, последней надеждой... Но вскоре Гвендилена убедилась, что даже обитель Всех Богов не примет ее, меньше чем за год потерявшую всех близких.

В праздник Рождения Солнца, что отмечают, когда день начинает прибывать, река ломает лед и в лесу появляются первые проталины, Гвендилена по обычаю принесла в храм сушеные яблоки *иварнегар* – особые сладкие пирожки, что пекут в виде фигурки жаворонка, призывая весну. Чтобы приготовить их, ей пришлось, забыв о гордости, пойти к Вилме, жене трактирщика, и попросить немного меда и масла. Сама Гвендилена уже давно и в глаза не видела подобной роскоши, но почтить Храм было необходимо. Иначе как потом явиться туда, чтобы просить покровительства и приюта?

Стоя на пороге лавки (той самой, что еще недавно принадлежала отчиму!), Гвендилена скороговоркой пробормотала свою просьбу. Вилма выслушала ее, но не удостоила даже словом в ответ. В ее взгляде явственно читалось все, что она думала о попрошайках... Словно никогда она не была подругой матери, не бывала у них в доме и не приводила с собой маленькую дочку Линну, чтобы поиграла с Гвендиленой и Айей, пока женщины сплетничали за стаканчиком вишневой наливки или доброго пива!

С тех пор прошло немало лет – и многое изменилось. Гвендилена выросла, Айя погибла, и матери уже нет в живых... Линну, подружку детских игр, ставшую самой завидной невестой в деревне, отец давно не выпускает из дома – нечего, мол, его дочери якшаться с какими-то деревенщинами! – и прочит выдать замуж не меньше чем за графского управляющего.

А сама Вилма из молодой и веселой женщины стала тяжеловесной, будто каменной бабичей с холодными глазами и вечно опущенными уголками сжатых губ. Ее пухлые пальцы уни-

заны перстнями, на шее позвякивают цветные бусы, но отчего-то она кажется погасшей, неживой...

Неожиданно для себя самой Гвендилена почувствовала что-то вроде жалости к бывшей подруге матери. Пусть она сыта каждый день и носит цветные бусы, но муж ее – человек грубый, жестокий и почти такой же жадный, как покойный отчим. Когда-то, бывало, она жаловалась матери на мужнины побои и попреки. Не похоже, что с тех пор Гавер стал добрее!

Словно уловив ее мысли, Вилма вдруг смутилась, опустила глаза и поспешно скрылась в задней комнате лавки. Гвендилена поняла, что разговор окончен. Остается только повернуться и уйти прочь, но она продолжала ждать, сама не зная чего.

И, как оказалось, не напрасно. Вскоре трактирщица появилась снова. На щеках ее горели красные пятна, и глаза как-то подозрительно припухли... Вилма положила перед девушкой небольшой сверток.

– Забирай и уходи, – процедила она сквозь зубы.

Опустив голову, Гвендилена взяла сверток и пошла прочь. Потом, дома, когда она пекла пирожки, так трудно было удержаться, чтобы не попробовать хоть кусочек! Но она точно знала – если даст себе волю, остановиться уже не сможет. А обрядовое угощение непременно нужно отнести в монастырь!

Но все труды и унижения оказались напрасны – монахини не взяли ее дары. На длинном столе для приношений корзинка, покрытая салфеткой с розами (еще мать вышила), выглядела так одиноко и сиротливо! Гвендилена растерялась и чуть не расплакалась от обиды.

Потом к ней вышла толстая монахиня и принялась увещевать. Она говорила о том, что срок траура священен, что нужно достойно позаботиться о душах близких, проводя время в одиночестве, молитве и строгом посте, и тогда, возможно, Всевышний смилуется над ними и откроет Врата Света...

Голос был сладким, вкрадчивым, но в ее глазах – маленьких, прищуренных и холодных – Гвендилена видела совсем другое. «Уходи и не возвращайся, – говорили эти глаза, – уноси свою беду, чтобы нас она не коснулась!»

Очень хотелось крикнуть ей в лицо: «Где же ваше милосердие? Зачем вы врете и себе и людям?» – но Гвендилена сдержалась. Бессмысленно... Все равно здесь ей не будет ни защиты, ни приюта. Поостерегутся монахини – а что, если у новой послушницы дурной глаз? Что, если она стала *ангним*, одержимой злым духом, сеющим смерть вокруг себя? Нет уж, лучше оставить все зло и печаль этого мира за воротами, дабы не отвлекаться от молитв и благочестивых размышлений.

Она терпеливо выслушала наставления и ушла, прихватив свою корзинку. Не пропадать же добру! В тот же вечер она съела *варнегар* до последней крошки – одна, в темноте, в пустом холодном доме...

И медовая начинка казалась ей горькой на вкус.

Девушка уж совсем было пала духом, когда однажды, подметая полы, она случайно нашла под половицей мешочек, набитый серебряными монетами. Очевидно, отчим припрятал и забыл о них... Развязав туго закрученные тесемки и увидев деньги, Гвендилена расплакалась от радости. Впервые она ощутила к отчиму что-то вроде благодарности. Пусть он не был хорошим человеком при жизни, зато после смерти помог ей, хотя и против собственной воли!

Теперь, по крайней мере, можно было быть сытой каждый день... Ну почти. Гвендилена немного воспрянула духом. Она даже позволяла себе иногда купить в лавке *кайрим* – дешевые разноцветные леденцы, и, поудобнее устроившись у горящего очага, долго-долго перекаtywала во рту сладкие шарики, жмурясь от удовольствия.

О будущем девушка старалась не задумываться. Она понимала, что денег хватит ненадолго, и совсем скоро, как только наступит тепло, придется решать, что делать дальше – или наниматься кому-нибудь в услужение, или отправляться в монастырь, другой, подальше от

дома... В любом случае придется уходить куда-нибудь, где никто не знает ее и не будет шараться, как от зачумленной!

Но это будет потом.

Глава 7

В начале весны, когда снег уже сошел и на пригорках, пригретых солнцем, появилась первая травка, когда старики, глядя на небо, прикидывали, каким выдастся год – урожайным или голодным, – а в храме Всех Богов начали возносить молитвы о добром урожае, в деревне стало твориться что-то неладное. Казалось, что весь устоявшийся и привычный порядок вещей вот-вот рухнет, будто карточный домик от дуновения ветерка, а что будет дальше – знают только боги... Именно неизвестность пугала больше всего.

Как обычно, в середине зимы граф Ральхингер покинул усадьбу и отправился в Орну, ко двору короля Людриха, дабы засвидетельствовать свое почтение и принять участие в *тай-мери-гивез*. Слово это в деревне произносили с особым придыханием, хотя вряд ли кто-то из сельчан имел хотя бы приблизительное представление о том, что оно означает.

Но Гвендилена знала. Конюх Вилерд, навещая сестру, любил прихвастнуть... Он часто и с удовольствием рассказывал бесконечные истории о славных деяниях графа Ральхингера, и по всему выходило, что господин без него просто шагу ступить не мог. Конюх был преисполнен гордости от приближенности к власти имущим. Гордо подбоченившись, он подкручивал ус, красуясь перед юной невестой, и Айя краснела, как маков цвет, опуская глаза...

Протай-мери-гивез Вилерд рассказывал особенно часто и охотно. Видно, поездки в столицу были для него самыми яркими и запоминающимися событиями!

– Такое дело... Столица – это тебе, понимаешь, не деревня! Дороги мощеные, дома каменные. Как приезжаем, значит, сразу не на постоянный двор какой-нибудь, а прямо в королевский замок! Там ешь-пей от пуза, всего вдоволь – и мяса, и хлеба, и пива... А благородные господа запираются в большом зале и говорят до поздней ночи, а бывает, и до утра. И помешать им никто не мог, хоть гори крыша над головой! Государственное дело, понимать надо. Как закончат – кидают в очаг сырые дрова, чтобы, значит, дым густой валил. Тогда слуги сразу как всполошатся, как забегают – умора глядеть! Несут, значит, господам всякой снеди – и кабанов на вертеле, и дичь, и заморские фрукты, и вина самолучшего, музыкантов ведут, фокусников, танцовщиц... И такое начинается!

На этом месте Вилерд обычно закатывал глаза, выдерживал эффектную паузу и заканчивал свой рассказ всегда одинаково:

– Столица, понимаешь! Королевский двор!

Обычно господин граф возвращался домой вскоре после Йома... Но не в этот раз. Не вернулся он ни к Рождению Солнца, ни к празднику Соловин, после которого начинаются полевые работы. Это было очень странно – обычно он считал своим долгом выпить кружку пива и пожелать своим поселянам доброго урожая! Господин граф всегда строго следовал старым обычаям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.